

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 12-го Августа 1907 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9158.

Жанна д'Аркъ.—Скульптура Шапо (Chapu).

Сенсаціонное преступленіе въ автомобиль.

Вѣна опустѣла; нестерпимая жара выгнала изъ столицы всѣхъ, кто располагаетъ хоть какой-либо возможностью отдохнуть на лонѣ природы. И въ эти дни изнывающая отъ жары Вѣна встрепенулась, узнавъ, что среди ея стѣнъ совершено преступленіе, подобное которому еще не занесено въ лѣтописи криминалистики: попытка убить и ограбить въ автомобиль!

Къ механику Краусу явился одинъ прилично одѣтый господинъ, выдававшій себя за директора одной провинціальной фабрики и заявившій о своемъ желаніи приобрести у Крауса автомобиль. Черезъ нѣсколько дней онъ явился вторично и условился съ Краусомъ испытать одинъ изъ автомобилей—посредствомъ поѣздки въ окрестностяхъ Вѣны. Поѣздка состоялась; въ закрытомъ купе заняли мѣста Краусъ и „директоръ“, а впереди шоферъ Крауса и шоферъ „директора“. Автомобиль направили въ окрестныя деревни, и вечеромъ, когда онъ возвращался обратно, у опушки лѣса разыгралась драма. „Директоръ“ бросился на Крауса съ молоткомъ въ рукахъ и нанесъ имъ нѣсколько ударовъ по головѣ спутника. Затѣмъ онъ выхватилъ револьверъ и началъ стрѣлять въ него. Автомобиль мчался. Въ это самое время „шоферъ“ также началъ стрѣлять въ шофера. Послѣдній успѣлъ остановить автомобиль и соскочить съ него. Въ окрестностяхъ раздались его крики о помощи, и злодѣи, предвидя опасность, хотѣли дать автомобилю движеніе. Но они не были знакомы съ его механизмомъ; автомобиль не двигался съ мѣста. Тогда преступники бросились къ ближайшему лѣсу, и подоспѣвшіе жандармы еще видѣли, какъ они исчезли въ гущѣ лѣса. Имѣй жандармы полицейскую собаку, и поимка преступниковъ была бы легкимъ дѣломъ.

Преступники исчезли; въ обысканномъ лѣсу нашли лишь разорванные окровавленные манжеты съ номеромъ прачешной. Это былъ единственный слѣдъ. Кромѣ того, у тяжело раненаго Крауса нашли одно письмо „директора“.

Общество было возмущено этимъ дерзкимъ преступленіемъ; полиція была поставлена на ноги, и ей оказала огромную поддержку пресса.

Въ послѣднее время взглядъ криминалистовъ на слѣдствіе измѣнился: оно ведется не тайно, а при наивозможно большей гласности, при содѣйствіи всего общества. А чтобы это было возможно, прессѣ сообщаются всѣ детали слѣдствія. Такъ было и теперь. Пресса помѣстила факсимиле письма „директора“, номеръ манжетъ, и, дѣйствительно, скоро напали на слѣдъ преступленія. Скоро „директоръ“ былъ арестованъ въ одномъ изъ окрестныхъ городовъ; онъ оказался Германомъ Герцкой, окончившимъ гимназію, бывшимъ студентомъ технологическаго института. Сынъ бѣдныхъ родителей, онъ честно пробивался, пока въ послѣдніе годы не „заскучалъ“. Но инициаторомъ этого преступленія оказался еще нерозысканный Порошъ, электротехникъ. Это необычайно талантливая личность; онъ владѣетъ нѣсколькими языками, не лишенъ литературныхъ и музыкальных дарованій. На квартирѣ у него были найдены манускрипты стихотвореній, философскихъ статей, афоризмовъ, музыкаль-

ныхъ композицій, и каждая строчка говоритъ о его способностяхъ.

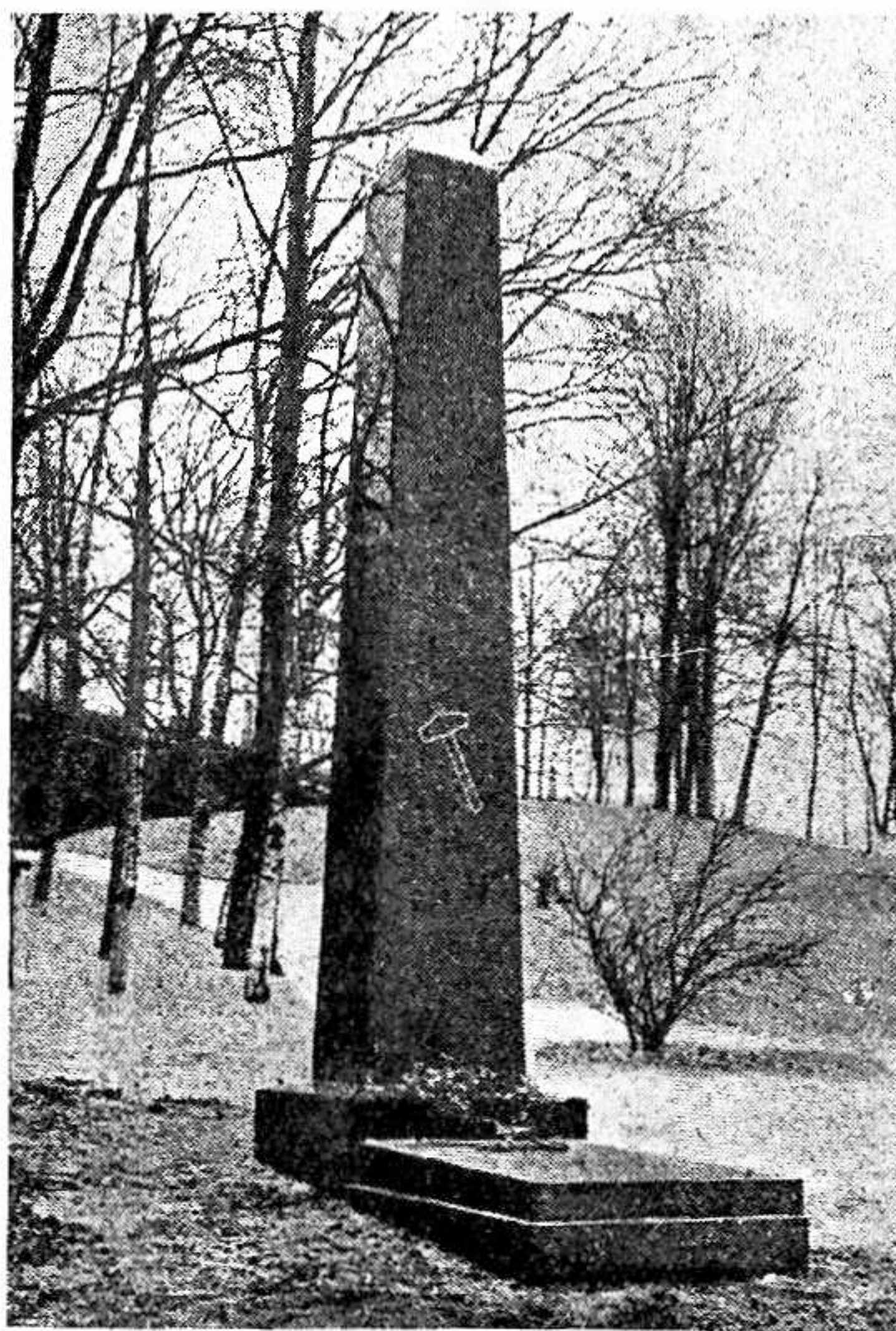
Что могло побудить этихъ молодыхъ людей совершить столь тяжелое и необычайное преступленіе?—Только отчаяніе. Вѣдь, должны же были они знать, что далеко въ автомобиль имъ не убѣжать, что ихъ выдастъ номеръ автомобиля, что у нихъ не хватитъ бензина, и что, наконецъ, автомобиля нигдѣ не спрячешь. Это—люди, выбившіеся изъ колеи, хорошо знакомые съ привлекательностью жизни, ея комфортомъ, ея интереснымъ содержаніемъ, и принужденные, вслѣдствіе отсутствія средствъ, вести монотонную жизнь.

„Должно стать иначе! Должна произойти перемѣна“, думали они, „хотя бы цѣною преступленія, цѣною свободы!“...

Слѣдствіе, безъ сомнѣнія, раскроетъ много деталей этого преступленія, являющагося во многихъ отношеніяхъ отраженіемъ ненормальныхъ условій нашего времени.

Вѣна.

Н. Караваевъ.

Могила Ибсена.

На высотѣ 23260 футовъ.

Въ „Wide World Magazine“ извѣстная туристка мистриссъ Фанни Бюлокъ-Уоркманъ рассказываетъ о своемъ недавнемъ восхожденіи на гору Нунъ-Кунъ, въ цѣпи Гималаевъ. Гора эта достигаетъ такой высоты, на которую еще не ступила нога женщины; на 7530 футовъ она выше Монблана. Тремя большими караванами въ 250 кули и 25 лошадей выступила экспедиція изъ Финагара и черезъ 12 трудныхъ дней прибыла къ подножью ледниковъ. Здѣсь большинство кули расположились лагеремъ, вверхъ же съ мистриссъ Уоркманъ отправились ея мужъ, отборные носильщики кули и 6 итальянцевъ, которые специально приглашены были въ качествѣ опытныхъ горцевъ. Къ вечеру они достигли области вѣчнаго снѣга, а на слѣдующій день на высотѣ 19900 футовъ восхожденіе сдѣлалось настолько труднымъ, что продолжать его имѣли силы только

супруги Уоркманъ, итальянцы-носильщики и три кули. На третье утро на пути стала колоссальная снѣжная стѣна съ уклономъ въ 60 градусовъ. Всѣ карабкались, привязанные другъ къ другу. Малѣйшій невѣрный шагъ грозилъ гибелью; просьбы объ отдыхѣ становились все чаще, но и отдыхать приходилось стоя. Особено грозилъ лавины. Съ величайшимъ напряженіемъ удалось путешественникамъ къ ночи подняться на эту снѣжную стѣну, послѣ чего они расположились на третью ночевку на высотѣ въ 21630 футовъ. На слѣдующій день трудности пути достигли апогея. Днемъ термометръ показывалъ на солнцѣ 158 градусовъ по Фаренгейту (56° по Реомюру) тепла; мокрыми полотенцами обернутыми вокругъ головы, едва можно было защититься отъ этой ужасающей жары. Но какъ только зашло солнце, наступилъ морозъ; въ 7 часовъ вечера, ко времени ночлега, термометръ уже показывалъ 22° Фаренгейта (меньше 8° Реомюра) холода. Послѣ долгаго отдыха неустрашимые путники снова направились вверхъ, хотя, какъ рассказываетъ мистриссъ Уоркманъ, сердце у нея сжалось, когда она отдавала послѣдній приказъ подыматься. Недостатокъ кислорода, уже давно чувствительный, причинялъ все больше мученій, но все-таки у нихъ хватило силъ подняться на вершину. „Теперь,—съ гордостью заявляетъ мистриссъ Уоркманъ,—я могу причислить себя къ небольшому кружку лицъ, побывавшихъ на высотѣ выше 23000 футовъ надъ уровнемъ моря“.

Изъ театральнѣ жизни.

Извѣстный антрепренеръ К—ъ терпѣть не могъ начинающихъ авторовъ, а являлись они къ нему во множествѣ, принося для прочтенія свои пьесы.

Одинъ изъ такихъ авторовъ вручилъ К. объемистую рукопись пятиактной драмы. К. поморщился, но рукопись взялъ, прося зайти за отвѣтомъ черезъ двѣ недѣли.

Въ назначенный срокъ авторъ явился.

— Какъ вы нашли мою пьесу?.. Годится она къ постановкѣ или нѣтъ?

К. замахалъ руками.

— Не годится, роднуша, извините!.. Слабо написано, красавецъ мой!.. Техники мало!..

— А какъ вамъ понравился послѣдній актъ, когда мужъ рѣжетъ жену и убиваетъ тещу? Не правда ли, сильно?

— Только одна эта сцена и хороша, роднуша, а остальное—слабо, по ученически!..

— Какъ же вамъ не стыдно, милостивый государь!..—негладуше воскликнулъ авторъ,—вы даже не потрудились прочесть моей пьесы!.. Никто тамъ никого не рѣжетъ и не убиваетъ... Я это выдумалъ нарочно для того, чтобы васъ провѣрить!.. Очень нехорошо съ!..

К. покраснѣлъ какъ вареный, ракъ.

* *

Знаменитый басъ Васильевъ пріѣхалъ однажды въ Москву на гастроли. Представители театра, явившіеся на вокзалъ для встрѣчи, не знали артиста въ лицо и потому боялись ошибки. Толпа пассажировъ хлынула съ дебаркадера на улицу, и распознать въ ней Васильева было невозможно.

— Извозчикъ!..—вдругъ крикнулъ то такимъ громоподобнымъ басомъ, что лошади шарахнулись въ сторону,—извозчикъ!..

Только по этому богатырскому оклику и узнали желанного гостя. Тогда онъ былъ торжественно посаженъ въ карету и отъезженъ въ театръ.

* *

Провинціальный актеръ Б., извѣстный своею изобрѣтательностью по части всевозможныхъ шутокъ, суфлируя въ аристократическомъ любительскомъ спектаклѣ, подержалъ наканунѣ съ пріятелями пари, что заставитъ важную персону, играющую роль генерала, ползать по сценѣ на четверенькахъ.

Разумѣется, пари было принято.

На другой день Б. сѣлъ въ будку и началъ суфлировать, съ нетерпѣніемъ ожидая интереснаго момента.

— Ползите!.. Ползите!.. зашепталъ онъ, когда важная персона появилась передъ публикой.

Персона разстеряно посмотрѣла въ будку.

— Что?..

— Ползите, ползите, говорятъ вамъ...

— Мнѣ?.. Ползти?..

— Ползите-же!..—продолжалъ надирать Б., выѣзая изъ будки.—Безъ этого нельзя продолжать!.. Ползите!..

Желая „спасти пьесу“, важная персона стала на четвереньки и поползла. Раздался гомерическій хохотъ.

Пари было выиграно.

* *

Извѣстный рассказчикъ П. И. Вейнбергъ, идя однажды на репетицію въ Александринскій театръ, встрѣтилъ у Чернышевскаго моста какого-то господина, который сталъ внимательно въ него вглядываться. Наконецъ, приподнявъ шляпу.

— Никифоръ Ивановичъ Новиковъ, если не ошибаюсь?.. учтиво спросилъ незнакомецъ.

— Вы ошибаетесь,—послѣдовалъ отвѣтъ,—я не Новиковъ, а Павелъ Ивановичъ Вейнбергъ!..

— Да, неужели?.. Это еще лучше!.. Это въ тысячу разъ лучше!.. Очень пріятно, очень радъ!..

И онъ протянулъ П. И. руку, восторженно улыбаясь.

* *

Провинціальный актеръ И—ловъ пріѣхалъ на гастроли. Антрепренеръ, зная „слабость“ И., предупредилъ буфетчика, чтобы трагикъ не давали выпить.

Въ антрактѣ репетиціи И—ловъ подходитъ къ буфету.

— Имѣйте въ виду, что здѣсь въ труппѣ есть извѣстный пьяница И—ловъ!.. Ради Бога, ничего ему не отпускайте!..

— Знаемъ-съ... Предупредили!..

— Предупредили? И отлично!.. Налейте-ка мнѣ стаканчикъ водки!.. Что? Пить въ день спектакля? Какая гадость!.. Налейте еще!..

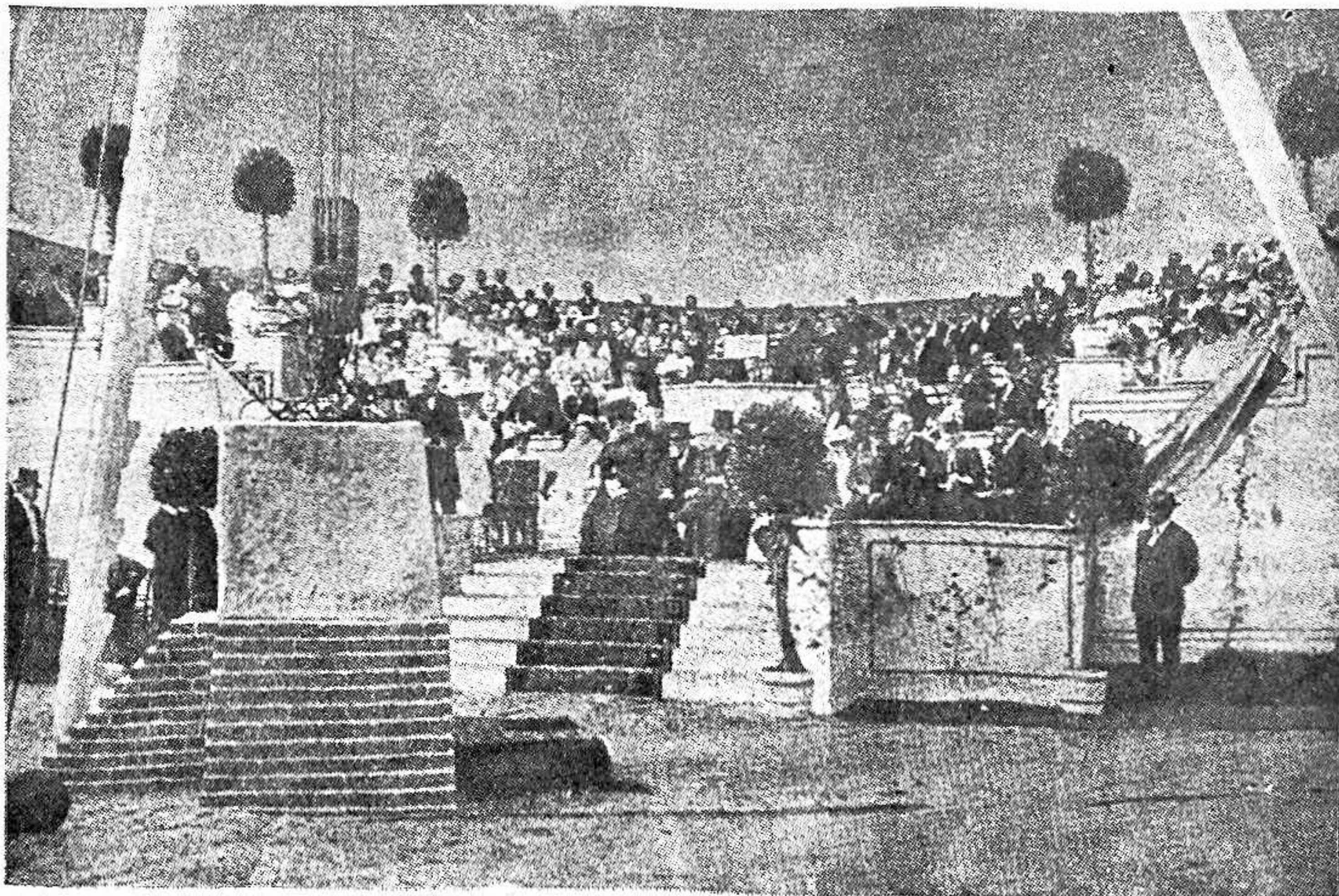
Въ концѣ-концовъ И—ловъ былъ пьянъ, какъ стелька. Спектакль еле-еле дотянули до конца.

* *

Въ Казани въ уборную Варламова часто заходилъ въ антрактахъ одинъ молодой господинъ, назвавшій почтенному артисту нѣсколько домовъ въ Петербургѣ, гдѣ они встрѣчались.

Одинъ разъ, когда визитеръ особенно разсыпался въ похвалахъ игрѣ, К. А. обратился къ этому господину:

— Теперь я припоминаю, что, дѣйствительно, мы съ вами встрѣчались въ Питерѣ; но позвольте васъ спросить, здѣсь-то, въ Казани, что вы дѣлаете? Служите, вѣроятно, кѣмъ-нибудь?

Официальная трибуна въ день закладки будущаго „Дворца Мира“ въ Гаагѣ.

— Да какъ же,—отвѣтилъ визитеръ—я—губернаторъ гор. Казани...
Картина.

Между этимъ же губернаторомъ и Варламовымъ произошелъ и другой комическій инцидентъ.

Въ бенефисъ артиста публика забросала его цвѣтами и букетами.

Выбравъ самый красивый букетъ, артистъ передаетъ его губернатору и говоритъ:

— Будьте любезны передать отъ меня этотъ букетъ вашей супругѣ.

— Извините,—отвѣтилъ губернаторъ,—я вашей просьбы исполнить не могу...

— Почему же?—удивился К. А.

— Потому, что именно этотъ букетъ вамъ и бросила моя супруга...

* *

Недавно режиссеры казенной оперы были обрадованы уходомъ извѣстнаго баритона, выслужившаго пенсію.

Баритонъ отличался пылкимъ нравомъ, и режиссерамъ приходилось отъ него не мало претерпѣть.

Рассказываютъ такой анекдотъ.

Выведенный однажды изъ себя замѣчаніемъ режиссера, баритонъ крикнулъ ему:

— Если вы скажете мнѣ еще одно слово, я васъ выброшу въ оркестръ!

На что изъ оркестра послышалась реплика:

— Здѣсь не помойная яма, чтобы бросать режиссеровъ...

* *

„Приглашаетъ меня къ себѣ на раутъ извѣстный московскій купецъ М.,—рассказывалъ покойный И. Ф. Горбуновъ. Отказываюсь. Купецъ умоляетъ, предлагаетъ огромный гонораръ. Вду, за неимѣніемъ презрѣннаго металла.

— Здравствуйте, И. Ф.,—привѣтствуетъ меня М.—Покорнѣйше прошу садиться!..

Сажусь, пью и ѣмъ, потомъ опять пью и ѣмъ. Думаю, вотъ сейчасъ кто-нибудь попроситъ рассказать сцену. Гробовое молчаніе. Сначала танцуютъ, потомъ садятся за ужинъ.

— Наверно, попросятъ во время ужина!..—думаю я, тыча вилкой въ осетрину въ томатъ.—Скоро уже пора расходиться.

Расходятся. И. Ф., думая, что его попросятъ рассказать специально для хозяина и для хозяйки, остается, принципиально тыча вилкой въ консервы.

— Ну, прощай, Иванъ Федоровичъ,—поднимается съ мѣста хозяинъ, цѣлуя И. Ф. и вручая ему 500 рублей!.. Завсегда будемъ рады!..

И. Ф. онѣмѣлъ отъ изумленія.

Писательница Уйда (Луиза де-Ла-Рамэ),

авторъ многихъ романовъ. Она написала около 70 томовъ. Среди нихъ особенно извѣстны романы: „Въ городѣ и въ деревнѣ“, „Башмачки цвѣточницы“, „Въ Мареммѣ“ и т. д. Теперь ей 78 лѣтъ. Всѣми забытая и больная, она живетъ теперь въ домикѣ одного бѣднаго фермера въ деревушкѣ Монти, въ Италіи. Англійское правительство назначило ей пенсію въ 1500 р.

С М Ъ С Ь.

Докторъ-филантропъ. Во время турецкой войны въ Саратовѣ проживалъ преоригинальнѣйшій докторъ-гомеопатъ Луковский. Это былъ старикъ лѣтъ 70, бывшій профессоръ варшавскаго университета, сосланный за 1863 годъ въ Сибирь и затѣмъ амнистированный. Онъ обращалъ на себя общее вниманіе своей добротой, чудаческими выходками и замѣчательной разсѣянностью. Практику онъ имѣлъ огромную, но жилъ крайне бѣдно, потому что заработанные деньги онъ клалъ на столъ, никогда не затворялъ квартиры (жилъ онъ на Грошовой улицѣ) и просилъ всѣхъ своихъ знакомыхъ брать деньги безъ спроса, сколько нужно и когда нужно. Главными его кредиторами были его кліенты и уличные мальчишки, которыхъ онъ постоянно заставлялъ дерущимися въ его квартирѣ при дѣлѣ денегъ. Однажды его кліентка, молодая сосѣдская дѣвушка — высказала свое горе, что она любима и любитъ одного молодого человека, но оба они такъ бѣдны, что имъ не на что справить свадьбу. Ученый старикъ съ дѣтской радостью взялся помочь ихъ горю и понесъ заложить въ ломбардъ Печенкина имѣвшійся у него выигрышный билетъ 2-го займа. Просилъ онъ за него сто рублей. Когда въ конторѣ просмотрѣли таблицу тиражей, то оказалось, что прошло уже четыре года, какъ на этотъ билетъ палъ выигрышъ въ 75,000 рублей.

Артисты и граммофоны. Наши артисты продолжаютъ эксплуатироваться граммофонными компаніями. Мало въ насъ „американской складки“ и вотъ, какъ нѣчто изъ ряда выходящее, сообщается, что О. И. Шаляпинъ получилъ 1000 руб. за семь номеровъ, спѣтыхъ въ граммофонъ. Не такъ поступаютъ иностранные артисты, которые образовали общество („Société mutuelle artistique“): они потребовали отъ граммофонныхъ компаній процентнаго вознагражденія и выиграли дѣло въ судѣ. Компаніи уплатили имъ за прошлое пользованіе пластинками полтора милліона франковъ и согласились на 9% вознагражденія. Теперь на каждой граммофонной фабрикѣ имѣется агентъ общества, который кладетъ печать на каждую выпускаемую пластинку и, такимъ образомъ, общество собираетъ до 2 тысячъ франковъ за каждый выпускаемый №. Первый додумался до этого знаменитый теноръ Таманьо, передавшій право на свои исполненія въ граммофонъ аріи одной американской фирмѣ, посадивъ на ея

фабрику своего агента, получавшаго въ пользу Таманьо по 1 доллару за каждую пластинку; такъ какъ пластинки выходятъ тысячами, то сочтите, что получалъ Таманьо?

Штрафъ въ 45 милліоновъ. Извѣстный американскій милліардеръ Джонъ Рокфеллеръ приговоренъ судомъ въ качествѣ главы извѣстнаго нефтянаго треста „Standard Oil Company“ къ уплатѣ штрафа въ 45 милліоновъ ½ рублей. Аме-

Въ Альпахъ.

риканскія газеты отмѣчаютъ съ видимымъ удовольствіемъ, что Рокфеллеръ получилъ извѣстіе о приговорѣ во время игры въ гольфъ, которую онъ и продолжалъ безъ малѣйшихъ признаковъ волненія.

Капля воды—орудіе казни. Въ Парижѣ недавно былъ произведенъ весьма интересный опытъ. Одинъ профессоръ рассказывалъ студентамъ, что въ Китаѣ частая форма наказанія—подставлять голову преступника въ теченіе нѣсколькихъ часовъ подъ воду, капающую капля за каплей. При этомъ очень часто результатомъ бываетъ смерть. Одинъ изъ студентовъ при этомъ недозвѣрчиво засмѣялся.

Тогда профессоръ предложилъ ему продолжать надъ нимъ этотъ опытъ, чтобы убѣдить его. Изъ предосторожности профессоръ для производства опыта выбралъ руку „Оомы невѣрующаго“ и началъ капать на нее водой съ небольшой высоты. При двухсотой каплѣ—профессоръ и студенты считали—студентъ задумался, при трехсотой онъ сталъ необыкновенно спокоенъ, тихъ и блѣденъ, а рука его начала сильно дрожать. При четырехсотой каплѣ поднялась сильная боль, и, наконецъ, лопнула кожа. Четыреста двадцать пятая капля превратила „Савла“ въ „Павла“, и онъ со стономъ согласился, что наказаніе, дѣйствительно, жестоко.

Искъ эксъ-императрицы. Императрица Евгенія, недавно выигравшая процессъ, по которому она требовала отъ правительства возвращенія ей нѣкоторыхъ вещей, находившихся въ частномъ владѣніи императора Наполеона III, въ скоромъ времени получить разрѣшеніе ихъ увезти изъ настоящаго мѣста ихъ храненія. Хотя вдовствующая императрица считаетъ, что предметы, на которые она предъявила свои права, являются прежде всего семейными сувенирами, не представляющими интереса для націи, но общественное мнѣніе нѣсколько иное, и рѣшеніе суда вызвало взрывъ негодованія со стороны французской прессы. Какъ бы то ни было, семь предметовъ, находящихся въ Елисейскомъ дворцѣ, пятьдесятъ три въ Фонтенбло, двадцать девять въ Компьенѣ, три въ Трианонѣ и четыре въ Луврскомъ музеѣ, будутъ возвращены истицѣ, а также нѣсколько вещей изъ коллекціи, находящейся въ Musée des Souverains. Между послѣдними есть сѣрая шинель и шляпа Наполеона I, ношенные имъ во время кампаніи 1814 года, уздечка лошади, на которой онъ былъ во время битвы при Ватерлоо, кокарда съ шляпы, бывшей на немъ въ историческій день прощанія въ Фонтенбло, шляпа, которую онъ носилъ на островѣ Св. Елены, его трость, скамья, на которой отдыхалъ въ изгнаніи, а также много другихъ предметовъ, принадлежавшихъ основателю Наполеонской династіи.